

— ...

Хуа Сюй просто отдернул занавеску и посмотрел в окно.

— Эй, не игнорируй меня. Ты слышишь только плохое, а когда я тебя хвалил, ты не слушал, да?

— Не мешай спать.

— Не помешаю, у моего отца отличный сон. Ночь длинная, давай поговорим.

— ...

Хуа Сюй продолжал молчать.

Но Янь Юаньшу вдруг подсел к нему ближе и схватил его за запястье, наклонившись:

— Дай я хорошо посмотрю. В наше время тебя бы, вероятно, посадили в клетку для исследований. Можешь рассказать, как это получилось? Есть ли внутри ещё иглы? — Он потрогал его локоть.

— Во мне несчётное количество ядов, если хочешь жить, не трогай меня попусту. — Хуа Сюй отдернул руку.

— Ну расскажи, сколько людей ты уже напугал этой фразой? Я не верю! — С этими словами он снова схватил руку Хуа Сюя и начал её рассматривать.

— Хватит, тут нет ничего интересного. — Хуа Сюй с раздражением отнял руку.

— У детей кости мягкие, они ещё растут. А в теле человека 208 костей, и у каждой есть щели. Твои иглы, наверное, появились ещё в детстве? И ещё, на иглах есть яд. Ты с детства не боишься ядов? — Янь Юаньшу смотрел на него с любопытством.

Хуа Сюй сначала был удивлён, но потом просто слушал его болтовню, а в конце насмешливо сказал:

— Если что-то знаешь лишь поверхностно, лучше молчи, чтобы не выглядеть смешным и невежественным.

— Так? Значит, причина не в этом? — Янь Юаньшу подпёр подбородок и погрузился в размышления.

Хуа Сюй посмотрел на него и отвернулся. Снаружи уже поднимался утренний туман, вдалеке из низких крестьянских домов поднимался дымок, кукареканье петухов и лай собак оживляли атмосферу. Всё было мирно, но Хуа Сюй думал: если о чём-то можно сказать, то разве это можно назвать страданием?

Вдруг Янь Юаньшу хлопнул его по плечу:

— Не переживай, какова бы ни была причина, я найду способ тебя вылечить.

Взгляд Хуа Сюя стал удивительным, затем сложным. Он спокойно сказал:

— Я не болен, лечение не нужно.

Янь Юаньшу откинулся назад, положив голову на руки:

— Понимаю, понимаю. Ведь мало кто из больных признает, что болен. Не волнуйся, я не смеюсь над тобой.

— ...

Хуа Сюй не хотел с ним разговаривать, чувствуя, что этот человек слишком многолетен, но в глубине души он был немного рад.

«Кто-то заботится обо мне», — подумал он.

— Эй, я расскажу тебе кое-что. Знаешь, когда я учился медицине, что меня больше всего вдохновляло? Ты, наверное, не видел скальпель, не буду объяснять, как-нибудь нарисую. Представь, что это кисть... Мне больше всего хотелось крутить скальпель на кончике пальца, чтобы он не падал. Он острый, спасает жизни... Но мне всегда казалось, что крутить его в руке было бы круто. Именно поэтому я пошёл учиться на врача. Пять лет, целых пять лет я не встречался ни с кем. Каждый раз, когда я рассказывал об этом девушкам, они считали меня поверхностным. Я поверхностный? Разве любить что-то просто так — это не чисто? Почему только спасение жизни считается благородным, а следование своим желаниям — нет? Честно, я не понимаю...

Эй, расскажи, есть ли у тебя в этой жизни что-то, чего ты хочешь добиться? — Янь Юаньшу легонько ткнул его ногой.

— ...

Хуа Сюй не понимал, о чём он говорит, но вопрос заставил его задуматься... Может быть, из-за спокойной атмосферы или настроения, пока старый господин Янь громко храпел, он вдруг почувствовал зависть и сказал:

— Я не думал об этом. Наверное, жизнь, как у твоего отца, — это то, чего я хочу.

Янь Юаньшу рассмеялся:

— Включая такого медвежонка-сына, как я?

Хуа Сюй посмотрел на него, не зная, считать ли его скромным или просто беспечным.

— Ладно, ладно, не игнорируй меня. Я знаю, что этот взгляд означает несогласие. Я понимаю, что ты имеешь в виду под спокойствием, но знаешь, что скрывается за ним? Ты человек из мира рек и озёр, ты не понимаешь, но я знаю. Один лян серебра — это немного, да? Глава долины, ты бросаешь слиток, как будто это медная монета, но для семьи из трёх человек это годовой доход. Если бы не эти деньги, ты бы видел не спокойствие, а страдание. Так ведь?

— Но это лучше, чем жить в постоянной тревоге. — Хуа Сюй не понимал. Разве мирная жизнь — не самое важное?

— Ну, приведу простой пример. Если просто жить — это достаточно, то почему так много людей выбирают смерть? В мире много страданий... Я знаю, ты снова будешь спорить, почему нищие продолжают жить. Скажу так: ты считаешь спокойствие хорошим, потому что у тебя есть отступление. Если однажды ты решишь, что больше не хочешь быть Главой долины, ты просто уйдёшь. Но в этом мире не у всех есть такая возможность... Я считаю, что самое важное

в мире — это свобода. Делать то, что нравится, и любить то, что делаешь...

Хуа Сюй был удивлён, поняв, что этот человек не так поверхностен, как он думал.

— Ха-ха, этот взгляд — ты согласен со мной, да? Ох, ты такой забавный! Как ты вообще стал Главой долины?

Янь Юаньшу смеялся, хлопая себя по коленям, а Хуа Сюй вдруг очнулся, почувствовав, что ведёт себя слишком раскованно, и отвернулся к окну.

Смех из повозки доносился до троих. Янь Эр глупо улыбался, а Чэн Фэн и Чэн Юй чувствовали себя сложно. За эту дорогу их Глава долины наконец перестал быть одиноким.

Осенний ветер был сухим, листья падали. Незаметно прошло полмесяца, и они, с повозки, покрытой кленовыми листьями, въехали в городок Цюлянь. Осенью крики торговцев на рынке были вялыми. Сейчас был полдень, и слуги в чайной дремали на пустых столах. Шестеро вошли в чайную, нарушив тишину.

— Молодой человек, не спи, а то все клиенты уйдут к другим! — Янь Юаньшу крикнул ему в ухо, а затем, обернувшись, положил локоть на плечо Хуа Сюя:

— Думаю, нам стоит пойти в другую чайную, здесь совсем никого нет!

Хуа Сюй отстранился, легко сбросив его руку, и сел в тени, налил себе чаю и помыл чашку.

Слуга, оглушённый криком, уже хотел улыбнуться и обслужить их, но был поражён их величественным видом и, заикаясь, сказал:

— Г-г-господа... ч-чего вы хотите выпить? Сейчас жарко, может, чаю с хризантемой, чтобы охладиться?

— Хорошо, дайте самое лучшее, самое дорогое. Деньги — на него. — Он указал на спокойно сидящего Хуа Сюя.

Старый господин Янь, измученный жарой, выпил два стакана воды и набрался сил, тут же шлепнув сына по руке:

— Паршивец, тебе мало, что ты всё время над ним издеваешься?

— Папа, ты меня больше не любишь. Ты увидел, что он красивее меня, и хочешь, чтобы он стал твоим сыном.

— ...

Что за ерунда?

Итак, Янь Юаньшу снова оттолкнул одного человека. Старый господин Янь подошёл к Хуа Сюю, сложил руки в поклоне и сказал:

— Благодарю вас, юный друг, за то, что вы помогли нам так быстро добраться сюда. Мой сын доставлял вам неудобства, надеюсь, вы не будете на него сердиться.

Янь Юаньшу неохотно подошёл — его отец держал руку за спиной и незаметно манил его!

Затем его слова поразили его до глубины души.

— У меня есть к вам, юный друг, неофициальная просьба, надеюсь, вы выслушаете. Я прожил более полжизни, пережил взлёты и падения, но никогда не ошибался в людях. Вы — человек выдающийся, с твёрдым характером, и вы обязательно добьётесь великих дел. Я надеюсь, что вы возьмёте моего сына с собой. Я не прошу, чтобы он стал богатым или знаменитым, просто хочу, чтобы он жил осознанно... Ведь молодые люди не должны стареть и умирать в горах. А я останусь здесь, ведь у меня больше нет других надежд... Надеюсь, вы согласитесь...

— Папа, что ты говоришь? — Голос Янь Юаньшу был едва слышен.

Слуга, принесший чай, не смел даже дышать, чувствуя, как атмосфера изменилась. Он поставил чай и ушёл, слыша, как они разговаривают.

— Папа, ты хочешь прогнать меня?

<http://bllate.org/book/16872/1554932>